

Российская Академия наук
Институт всеобщей истории

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

**АВТОР И ЕГО ИСТОЧНИК:
ВОСПРИЯТИЕ, ОТНОШЕНИЕ,
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

**XXI Чтения
памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Папуто**

Москва, 14 – 17 апреля 2009 г.

Материалы конференции

Москва – 2009

**К ВОПРОСУ О КОНТАКТАХ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ
В РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в.***

В свое время Б.А. Рыбаков обратил внимание на оригинальную манеру, отличающую записи Новгородской I летописи за время княжения в Новгороде Мстислава Мстиславича Удалого (1210–1218). «На протяжении этих лет, – писал Б.А. Рыбаков, – мы видим в НПЛ своеобразное и красочное изложение событий, отличающееся от последующего и предыдущего» (Рыбаков 1972. С. 163). Атрибутировав данный фрагмент НПЛ княжескому летописцу Мстислава, ученый отметил черты сходства, объединяющие его с киевским летописанием конца XII в., особенно – с «Повестью о походе Игоря в 1185 г.». Стилистически родственными этим текстам исследователь находил и записи Галицко-Волынской летописи времени галицкого княжения Мстислава.

Основанная на этих наблюдениях гипотеза о летописце-«Галичанине», оставившем свой след в летописании трех областей Руси конца XII – первой трети XIII в., не встретила скольконибудь широкой поддержки, но отдельные звенья этой гипотезы получили дальнейшее развитие. Так, П.П. Толочко, справедливо раскритиковав представления Б.А. Рыбакова об истории сложения «Повести о походе Игоря 1185 г.» (Толочко 2004), поддержал идею ученого о галицкой летописи Мстислава и признал «не лишним вероятно» взгляд на статьи 1210–1218 гг. Новгородской летописи как на произведение княжеского летописца (Толочко 2003. С. 190–192; 231–236).

Последнее положение, на наш взгляд, действительно заключает в себе долю истины, но нуждается в существенных коррективах. Во-первых, текстологически не оправданным является привлечение Б.А. Рыбаковым летописей Новгородско-Софийской группы как якобы сохранивших первоначальный вид рассказа о Липицкой битве – в настоящее время очевидно, что древнейший вид этого рассказа дошел до нас в НПЛ без каких-либо сокращений. Во-вторых, наличие в статьях 6723 и 6724 гг. целого ряда ярких языковых новгородизмов, несомненно восходящих к протографу, показывает, что летописец был новгородцем. В-третьих,

черты литературной манеры, столь выпукло представленной в повествовании о Липицкой битве, не ограничиваются годами княжения Мстислава, но прослеживаются до середины 1220-х гг.

Обоснованная А.А. Гиппиусом сегментация текста НПЛ (Гиппиус 2006) предполагает принадлежность перу одного автора основного текста статей 6719–6734 гг. Границы этого отрезка хронологически неслучайны и вписываются в общую закономерность, состоящую в том, что новгородские летописцы XII–XIV вв. как правило (хотя и не обязательно) сменяли друг друга вследствие перемен на епископской кафедре. Начало рассматриваемого отрезка совпадает с избранием на кафедру Антония (Добрыни Ядрейковича), заканчивается же он за два года до добровольного оставления Антонием епископии в 6736(1228) г. Таким образом, новгородская владычная (епископская) летопись оставалась таковой и в 1210-е годы – дело лишь в том, что сам Антоний был, по существу, возведен на кафедру Мстиславом, что не могло не отразиться на характере летописных записей. В известном смысле Мстислав действительно вел в Новгороде свою летопись, но вел ее рукой владычного летописца.

Свидетельством определяющей роли Антония в развитии новгородского летописания первой трети XIII в. является включение в летопись «Повести о взятии Царьграда» (вероятно, вскоре после занятия Антонием кафедры в 1209 г.) и рассказа о битве на Калке, записанного со слов Антония (или даже им самим) после его возвращения из Перемышля в 1225 г. (решающий аргумент в пользу такой атрибуции приведен В.А. Кучкиным: Кучкин 2003). Есть основания думать, что вставка в летопись двух текстов сопровождалась частичным редактированием статей 6713–6718 гг. (в первом случае) и 6726–6727 гг. – во втором.

Необычная для Новгорода индивидуальная манера летописца Антония синтезировала в себе черты ряда литературных образцов. Из местной летописной традиции почерпнут такой яркий прием (до этого представленный в НПЛ несколькими разрозненными примерами), как восклицательные ремарки. Так, из двух восклицаний, комментирующих итоги битвы на Липице – «О, мьного побѣды, братие, бецисльное число!» и «О, великъ есть, братие, промысль божи!» – первое явно навеяно известием статьи 6577 г. о победе над Всеславом («О, велика бяше съця Вожагомь, и паде их бецисленое число»), а второе – открывавшим

владычную летопись Предисловием к киевскому Начальному своду 1090-х гг. («Великъ бо есть промысль Божии!»).

В построении тех же восклицательных фраз просматривается и ориентация на агиографическую традицию. Ср. параллели из Чудес Николая Чудотворца по списку XIII в. (Макеева 2003. С. 250, 256, 268).

6724: Оле страшно чюдо и дивно, братие! О страшно и дивно чюдо! О (вар.: оле) чюдо!

6726: О, великое, братие, чюдо! О великое чюдо! Страхъ бо мя великъ объдържи, братие, еже вы хошю съказати о семь чюдѣ

Другая характернейшая особенность манеры Антониева летописца – насыщенность повествования прямой речью – ведет в направлении, указанном Б.А. Рыбаковым. Близкие параллели к «героическим» речам, сконцентрированным в статьях 6722–6733 г., представляет Киевская летопись XII в. Ср.:

НПЛ

Ипатьевская летопись

6722: «Камо, княже, очима по зриши ты, тамо мы главами своими вържемъ» 6654: «кде оузримъ стягъ твой, тоу и мы с тобою готови есмъ»

6722: «Яко, братие, страдали дѣди наши и отчи за Роусьскую землю, тако, братие, и мы поидимъ по своему князи» 6656: «Пришелъ есмъ нарекъ Бога и тебе, зане ты еси старѣи нас Володимирихъ вноуцѣхъ, а за Рускою землю хочю страдати и подлѣ тебе ѣздити».

6723: «Любо изищю моужи новгородстии и волости, паки ли, а головою повалю за Новгородъ» 6658: «но любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь».

6654: Изяславъ же събра вься на поли и хрестьяныя и поганья и рече имъ: «<...> любо си

головою положю передъ вами, любо си налѣзоу столъ дѣда своего и отца своего»

6724: «княже, не хотимъ измерети на конихъ, нь яко отчи наши билися на Кулачьскѣи пѣши» 6659: «хотемъ же за отца вашего за Вячьслава и за тя и за брата твоего Ростислава и за всю братью и головы своѣ сложити, да любо честь вашю налѣземъ, пак ли хотимъ с вами тоу измерети, а Гюргя не хотимъ

6732: Новгородци же по путьмъ сторожи поставиша, а твърди издѣлаша; хотѣша умерети за святую Софию о посадницѣ о Иванцѣ о Дмитровици 6659: «хотемъ же за отца вашего за Вячьслава и зята и за брата твоего Ростислава и за всю братью и головы своѣ сложити; да любо честь вашю налѣземъ, пак ли хотимъ с вами тоу измерети, а Гюргя не хотимъ»

6726: Твердиславъ же, позря на святую Софию, и рече: «даже буду виновать, да буду ту мертвъ; буду ли правъ, а ты мя оправи, Господи» 6654: Святославъ же сгадавъ с братьею и с Половци, с моужи своими, възря на Бога [и] на святую Богородицу, изииде въ срѣтение емоу

6659: и рече Вячьславъ, озряся на святую Богородицу яже есть надъ Золотыми вороты: «а тои ны пречистѣи Госпожи судити съ сыномъ своимъ и Богомъ нашимъ въ сии вѣкъ и в будущи»

Поскольку речь не идет о прямом цитировании (совпадают не целые фразы, а лишь модели их построения и отдельные обороты), отмеченные параллели можно было бы объяснить независимым использованием новгородским и киевскими летописцами общего формульного языка княжеско-дружинной среды. Важно поэтому, что комбинация совпадений сближает рассматриваемые статьи НПЛ именно с Киевским сводом конца XII в., не находя

соответствий в Суздальской или Галицко-Волынской летописях. Это, а также то, что совпадения затрагивают не только прямую речь, но и ее нарративное обрамление (*позря на святую Софию ~ озряся на святую Богородицу*), позволяет предполагать знакомство новгородского автора именно с Киевской летописью.

Возникает вопрос: каким образом киевский летописный свод 1198 г.¹ оказался доступен новгородскому летописцу 1210-х годов? Кажется наиболее вероятным, что экземпляр этого свода привез с собой в Новгород Мстислав Мстиславич. Такое допущение хорошо согласуется с тем, что известно о раннем периоде биографии Мстислава. Согласно убедительной гипотезе А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского (2006. С. 300), Мстислав родился уже после смерти своего отца Мстислава Ростиславича (в связи с чем и был наречен «отним именем») и юные годы провел в семействе дяди Рюрика Ростиславича. В окружении Рюрика мы застаем Мстислава и в 1198 г., когда он участвует в торжествах по поводу рождения двоюродной племянницы (дочери Ростислава Рюриковича) и отвозит ее «к деду и к бабе» в Киев. Свод Рюрика 1198 г. был по своей интегрирующей тенденции семейной хроникой Ростиславичей, и Мстислав Мстиславич, рыцарскому духу которого идеально отвечала стилистика этой героической хроники, вполне мог располагать собственным ее экземпляром.

Предполагаемый механизм литературного воздействия киевской летописной традиции на новгородскую находит параллель в деятельности прямого предшественника летописца Антония. Летописец архиепископа Митрофана, ведший владычную летопись с 6708 по 6718 г., также использовал неновгородский летописный источник, из которого им были заимствованы несколько южно-русских известий за 6711–6712 гг. Этим источником был, по всей вероятности, владимирский летописный свод 1205 г. (Гиппиус 1997. С. 14–15)². Как предположил Т.В. Гимон, список этого свода мог быть привезен в Новгород князем Константином Всеволодовичем, прибывшим туда 20 марта 6714 (ультрамартовского) года (Гимон 2006. С. 102). При том, что характер взаимодействия летописных традиций в двух случаях является различным, обусловившие его обстоятельства принципиально сходны. Летописец Митрофана – ставленника Всеволода Большое Гнездо пополняет владычную летопись, используя владимирский летописный свод, привезенный в Новгород сыном Всеволода Константином.

Летописец Антония – ставленника Мстислава Мстиславича использует в качестве литературного образца киевский летописный свод – фамильную хронику Ростиславичей, привезенную в Новгород самим Мстиславом.

Высказанное предположение может представлять интерес и в плане истории летописания Южной Руси. Принадлежавший Мстиславу экземпляр Киевского свода 1198 г. должен был, в ходе последующих перемещений его владельца, оказаться в Галиче, а после смерти Мстислава и утверждения на галицком столе его зятя Даниила Романовича, достаться ему. Таким образом, мы неожиданно получаем возможный ответ на вопрос о происхождении текста Киевской летописи, использованного галицкими и волынскими летописцами и в конце XIII в. объединенного с Галицко-Волынской летописью в составе Ипатьевского свода. Парадоксальным образом, наиболее естественный, не требовавший никаких специальных усилий, путь проникновения Киевского свода 1198 г. в Галич и на Волынь, лежал через Великий Новгород.

Примечания

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

¹ Недавнее предложение А.П. Толочко (Толочко 2006) передатировать Киевский свод, отнеся его создание ко времени после 1212 г. (т.е. после смерти Рюрика Ростиславича), принять затруднительно. Основание для передатировки исследователь находит в статье 6700 г. Ипатьевской летописи, содержащей обширное заимствование из статьи 6702 (1194) г. Суздальской летописи. Решая вопрос, когда могло быть сделано это заимствование, А.П. Толочко поначалу исходит из схемы, в которой Лаврентьевская и Радзивиловская летопись восходят к общему дефектному экземпляру Владимирского свода 1206 г., отличному от оригинала Летописца Переяславля Суздальского. В этом случае не остается ничего другого, как считать, что использованный в Ипатьевской летописи текст известия 1194 г., содержательно совпадающий с Лавр. и отличный от читаемого в Радз. и ЛПС, возник в результате дополнения в Лавр. текста свода 1206 г. и, следовательно, не мог быть заимствован в Ипат. раньше этого времени. В дальнейшем, однако, А.П. Толочко принимает вывод Я.С. Лурье о том, что Лавр. и Радз. не происходят от общего оригинала, и заключает, что Лавр. отражает первичный по сравнению с Радз. и ЛПС текст. Исследователь как будто не замечает, что этот вывод лишает основания его рабочую гипотезу о позднем заимствовании известия 1194 г. в Ипат. и продолжает разрабатывать эту гипотезу, выясняя, в какое время

после 1206 г. могло быть сделано заимствование. Между тем, если «с конца XII в. Лавр. представляла собой постоянно ведущуюся летопись, пополняемую с некоторой периодичностью сериями сообщений» (с чем нельзя не согласиться), то ничто не мешает считать заимствование из Суздальской летописи в Киевскую произведенным еще в конце XII в. Остаемся поэтому при традиционной датировке Киевского свода 1198–1199 гг.

² По нашему мнению, первоначальный состав статей 6711–6712 гг. Новгородской владычной летописи адекватно отражен младшим изводом НПЛ, тогда как Синодальный список допускает здесь сокращения и перестановки (Гиппиус 1996. С. 8; Гимон 2006. С. 98–102). Несколько иначе трактуется соотношение текстов Е.Л. Конявская (Конявская 2008). По мысли исследовательницы, владимирский летописный источник отразился только во младшем изводе, тогда как южнорусские известия 6711 г. Синодального списка восходят к устным источникам. На наш взгляд, во всех южнорусских известиях НПЛ за 6711–6712 гг. соотношение «внешнего» летописного источника и дополнений, основанных на устной информации, является принципиально сходным, различия касаются лишь пропорций одного и другого. Точка зрения Е.Л. Конявской оставляет также без объяснения механизм появления в младшем изводе известий, основанных на владимирском источнике.

Литература

- Гимон 2006 – *Гимон Т.В.* Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // *Средневековая Русь*. М., 2006. Вып. 6.
- Гиппиус 1997 – *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // *Новгородский исторический сборник*. СПб., 1997. Вып. 6 [16].
- Гиппиус 2006 – *Гиппиус А.А.* Новгородская владычная летопись и ее авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2004–2005. М., 2006.
- Конявская 2008 – *Конявская Е.Л.* «Южнорусские» статьи первой половины XIII в. в новгородских летописях // *Новгородский исторический сборник*. СПб., 2008. Вып. 11 [21].
- Кучкин 2003 – *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о битве на р. Калке // *Письменные памятники истории Древней Руси*. М., 2003.
- Литвина и Успенский 2006 – *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимии. М., 2006.
- Макеева 2003 – *Макеева И.И.* «Сказание чудес Николая Мирликийского» // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2002–2003. М., 2003.

- Рыбаков 1972 – *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
- Толочко 2006 – *Толочко А.* О времени создания Киевского свода «1200 г.» // *Ruthenica*. Київ, 2003. Т. 6.
- Толочко 2003 – *Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.
- Толочко 2004 – *Толочко П.П.* Повесть о походе Игоря Святославича в Ипатьевской летописи // *Ruthenica*. Київ, 2004. Т. 3.

Г.В. Глазырина

ОЦЕНКА СОБЫТИЯ И ПОЗИЦИЯ АВТОРА (Формула «*sumir... sumir...*» в древнеисландских сагах)

Об использовании устной традиции в качестве одного из источников древнеисландских саг свидетельствует – наряду с композиционными, языковыми и другими признаками – введение в текст так называемых «формул-референций» – устойчивых словосочетаний, являющихся формальными показателями того, что в основу конкретного сюжета (эпизода, наблюдения, детали и т.п.) положен устный рассказ. К числу таких референций принадлежат приводимые авторами саг ссылки на существование различных, нередко противоречивых точек зрения на один и тот же исторический факт, событие, явление, которые, очевидно, являются наиболее достоверными свидетельствами вариативности многих сюжетов, передававшихся изустно (см.: *Liestøl* 1930. P. 93; *Andersson* 1966. P. 1–18). Формулы-референции встречаются в созданных в разное время сагах разных видов – родовых, королевских, епископских, о древних временах и др.

В текстах отличающиеся точки зрения соединены в лексическом обороте, носящем характер устойчивой формулы: «некоторые/одни/многие люди говорят/считают/думают таким образом, некоторые/другие – иначе». Проиллюстрируем ее одним примером из «Саги об Олаве Трюгвасоне» монаха Одда (ок. 1180 г.), где упоминается о разрыве брачных отношений между конунгом Эйриком Победоносным и королевой Сигрид Гордой:

«Тогда был расторгнут [брачный] договор между ними (Эйриком. – *Г.Г.*) и Сигрид Гордой, дочерью Скэгглар Тос-